

**Чтения в Обществе истории и
древностей российских при
Московском университете. 1869**

Книга 1

УДК 304
ББК 60.5
Ч-11

Ч-11 Чтения в Обществе истории и древностей российских при Московском университете. 1869:
Книга 1 / – М.: Книга по Требованию, 2024. – 628 с.

ISBN 978-5-4241-9982-0

ISBN 978-5-4241-9982-0

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2024

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2024

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

ЗАМѢЧАНІЯ

НА ВТОРОЙ ТОМЪ.

Исчисляя заслуги Кутузова, предъ назначеніемъ его въ Главнокомандующіе въ 1812 году, между прочимъ сказано (стр. 11): «Удачный походъ на Дунаѣ, и миръ, заключенный въ роковой часъ разрыва съ Наполеономъ, упрочили славу Кутузова» и т. д.

Не думаю, чтобы выраженіе: удачный походъ на Дунаѣ, было удачно. Кутузовъ, принявъ начальство послѣ Графа Каменскаго, очистилъ правый берегъ Дуная и отступилъ въ Княжества. Верховный Визирь имѣлъ безразсудство переправиться за нимъ въ Слободзеѣ и окопаться, оставивъ лагерь свой безъ достаточнаго прикрытія. Сдѣсь Кутузовъ явилъ глубокое знаніе свойствъ непріятеля и, на основаніи того, принялъ, какъ искусный вождь, мѣры, о которыхъ онъ бы и не подумалъ противъ всякаго другого Европейскаго полководца. Генераль-Лейтенантъ (Е. И.) Марковъ переправленъ былъ нѣсколько выше чрезъ Дунай и, имѣя въ авангардѣ Генераль-Маіора (В. Д.) Шловайскаго, внезапно атаковалъ лагерь и, овладѣвъ имъ, отрѣзалъ всякое сообщеніе Визирю съ своими средствами. Попавшись такимъ образомъ въ западню со всѣмъ своимъ войскомъ, гибнувшимъ отъ голода, самъ онъ скрытно бѣжалъ на лодкѣ. ¹ Послѣдствіемъ этого

¹ Полагаютъ, что Кутузовъ зналъ о намѣреніи Верховнаго Визира бѣжать, но отдалъ приказаніе Флотиліи не препятствовать этому, въ томъ предположеніи, что безъ свободы Верховнаго Визира онъ не могъ бы заключить мира по существовавшему тогда понятію Турокъ. Не вѣдаю въ дальнѣйшія по сему предмету разъясненія.

было заключеніе мира. Во всякомъ случаѣ слово: «удачный походъ на Дунаѣ» тутъ не идетъ; оно могло быть замѣнено другимъ, болѣе соответственнымъ событію, на примѣръ: дѣйствіе при Дунаѣ.

Описывая характеръ и свойства Кутузова, Г.-М. Богдановичъ присоединяетъ, на стр. 16-й:.... «важнѣйшія бумаги, подносимыя къ подписи Фельдмаршала, оставляемы были до завтра, и это завтра повторялось иногда нѣсколько недѣль» и т. д. Не знаю, въ какой степени это справедливо, но не можетъ быть, чтобы важнѣйшія бумаги оставались имъ не подписанными, когда онъ былъ Фельдмаршаломъ, какъ сдѣсь сказано. Лично я никогда не состоялъ при немъ, но въ 1812 году, по должности, мною тогда занимаемой, бывалъ иногда и по нѣскольку разъ въ день въ Главной Квартирѣ, и не разъ получалъ на присылаемыя къ нему словесныя донесенія «немедленныя» и ясныя разрѣшенія. Я могъ бы слышать отъ товарищей то, что приписывается Фельдмаршалу, но я того не было. Да и какъ допустить, чтобы Главнокомандующій арміею, во время ея дѣйствія (и противъ кого еще? противъ Наполеона!), оставлялъ важнѣйшія бумаги по нѣскольку недѣль безъ подписи! Параграфъ продолжается одинаково о Кутузовѣ, и въ концѣ онаго ссылка на приложение къ XV главѣ № 41, но въ приложенияхъ къ этой главѣ, послѣдняя № 14 (на стр. 499); въ печаткахъ же не отиѣчено; слѣдовательно, нѣтъ возможности знать положительно, кто это такъ соперничаетъ съ Тьеромъ въ изображеніи нашего полководца?

На слѣдующей 17-й страницѣ продолжается очеркъ Кутузова, и тутъ поражаютъ слѣдующія выраженія: «не смотря на недобѣрчивость и скрытность своего характера, Кутузовъ былъ любимъ окружающими его; недостатки и слабости его не помѣшали ему списать и сохранить общее довѣріе войскъ. Когда, на кануны Люценскаго сраженія, одинъ изъ Адъютантовъ Фельдмаршала привезъ свѣдѣніе объ его смерти, приказано было скрыть эту вѣсть въ глубокой тайнѣ: такимъ образомъ уже не было Кутузова, но Русская армія пошла въ бой, какъ будто руководимая его тѣнью.»

Не понимаю, что Генераль Богданович хотѣлъ сказать этѣмъ страннымъ выраженіемъ, въ особенности тогда, какъ Императоръ Александръ самъ лично находился при войскахъ. А при томъ, это можетъ быть принято за иронию; ибо къ какому подвигу руководила тѣни Кутузова? А вотъ къ какому: мы проиграли Люценское сраженіе и изъ окрестностей Лейпцига ушли за Эльбу; потеряли сраженія: подъ Бауцеюмъ (Будышинимъ), Герлицемъ (Згорьльцемъ) и отступили до Одера, а здѣсь заключили перемиріе. Какъ же понять сказанное здѣсь о тѣни Кутузова, руководившей будто бы войска въ Люценскомъ сраженіи, первомъ въ Германіи, которое мы проиграли, и съ какими послѣдствіями! Сомнѣваюсь даже, чтобы хотѣли сохранить въ тайнѣ смерть Кутузова, съ цѣлю; чтобы этѣмъ не потрясти духъ солдата. Нашъ солдатъ отъ подобныхъ впечатлѣній не приходитъ въ уныніе, а, напротивъ, ожесточается и стремится къ отмщенію. Но, независимо отъ сего, повторяю: здѣсь находился самъ Государь, если можно такъ выразиться, боготворимый, обожаемый солдатами и всѣми. Сверхъ же того, войсками подъ Люцеюмъ начальствовалъ Графъ Витгенштейнъ, къ которому любовь солдата, въ 1812 году, далеко превосходила ту, которую они питали къ Кутузову по самой простой причинѣ: Кутузовъ отдалъ непріятелю Москву, а Витгенштейнъ, не только что тогда, но и по нынѣ въ народѣ, почитается спасителемъ Пѣтрова града. Словомъ, выраженіе неудачное во всѣхъ отношеніяхъ.

Разсмотрѣнный мною параграфъ, какъ замѣчено выше, заключается ссылкой, которой нѣтъ.

Въ этомъ же параграфѣ, на 15-й страницѣ, приведено обстоятельство, читанное мною еще въ 1834 году у самаго сочинителя «Записокъ», на который ссылается Г. Богдановичъ, и вотъ какъ послѣдній представляетъ оное: «Одинъ изъ чиновниковъ Главной Квартіры его (Кутузова), Маевскій, говоритъ, что когда наши войска соединились на рѣкѣ Березинѣ, онъ осмѣлился

² Въ описываемое время Сергій Ивановичъ Маевскій былъ не просто однимъ изъ чиновниковъ, а Генераль-Аудиторомъ арміи, исправляя иногда и обяза-

доложить Фельдмаршалу о пользѣ назначенія кого либо начальникомъ артиллеріи всѣхъ Русскихъ армій. «Кого же лучше, отвѣчалъ Кутузовъ, какъ не Рѣзваго: онъ (стр. 16-я) человекъ умный, опытный и знаетъ это дѣло лучше всѣхъ.» Едва лишь онъ успѣлъ произнести этѣ слова, какъ пріѣхалъ къ нему Графъ Аракчеевъ. «Государю Императору угодно соединить командованіе всею артиллеріею въ лицѣ одного артиллерійскаго Генерала, сказалъ онъ; выборъ его предоставленъ Вашей Свѣтлости. Его Величество полагаетъ, что всего ближе ввѣрить этотъ постъ А. П. Ермолову.»— «Спросите у него,» отвѣчалъ Кутузовъ, указывая на Маевского: «мы только что объ этомъ говорили, и я самъ хотѣлъ просить Государя Императора, чтобы назначенъ былъ Ермоловъ. Да и можно ли сдѣлать лучшей выборъ?»

Я не знаю, какъ близки были иль отношенія, дозволившія Генералъ-Аудитору, или еще, какъ Г. Богдановичъ говоритъ, одному изъ чиновниковъ, разсуждать, или и еще лучше, дать понять Фельдмаршалу необходимость сосредоточенія командованіемъ артиллеріею! Но болѣе всего кажется мнѣ невѣроподобнымъ то, что когда пріѣхалъ къ Кутузову Аракчеевъ изъ Петербурга отъ Государя, то, во первыхъ, конечно, прежде чѣмъ Графъ вошелъ въ комнату Князя, всѣ тѣ, которые могли въ ней случиться, получили бы весьма естественное приказаніе выйти, или, не дожидаясь приказанія, сами бы сдѣлали это: современники помнятъ, что такое былъ Аракчеевъ, особенно въ 1812 году. Во вторыхъ, если

ность Правителя Канцелярш. Я съ нимъ былъ знакомъ гораздо прежде, съ 1808 года, потомъ въ 1812 году видѣлся часто. Въ 1813 году, въ Калишѣ, онъ и Скобелевъ получили полки, а Маевскій, какъ одинъ изъ храбрѣйшихъ и въ то время полковыхъ командировъ, вскорѣ получилъ Георгія и сдѣлался извѣстнымъ. Съ 1815 по 1828 годъ мы не видались, но въ Турецкую, 1828—1829 г., войну онъ былъ назначенъ Директоромъ Госпиталей. По окончаніи войны, въ чинѣ Генералъ-Лейтенанта, получилъ 13 дивизію и съ 1833 по 1835 годъ находился въ Тульчинѣ, гдѣ я тогда проживалъ. Не прошло дня безъ воспомнаній былаго. Мы давали другъ другу свои Записки, и я во многомъ съ нимъ не соглашался, а онъ дѣлалъ замѣчанія на мои. Онъ владѣлъ перомъ хорошо, но часто увлекался, для приданія силы своимъ выраженіямъ. Въ то время бѣловыя Записки его были уже сданы, а кому, не сказалъ, да я и не любопытствовалъ.

бы Аракчеевъ вошелъ въ кабинетъ Кутузова внезапно, то тѣмъ болѣе еще всѣ поспѣшили бы удалиться. Въ третьихъ, предположивъ, однако же, что чиновникъ рѣшился остаться и дожидаться, покуда ему не будетъ приказано выйти, то рѣшительно ни въ какомъ уже случаѣ онъ не могъ оставаться, или не быть высланнымъ, когда Аракчеевъ началъ съ словъ: «Государь Императоръ» и пр. Слѣдовательно, повторяю, ни въ какомъ случаѣ чиновникъ Маевскій не могъ оставаться въ той же комнатѣ,³ когда Аракчеевъ, присланный отъ Государя къ Кутузову, началъ сообщать Главнокомандующему волю Императора. Все, что написалъ Маевскій относительно Кутузова, Рѣзваго и Ермолова, онъ могъ слышать изъ смежной комнаты, Адъютантской, куда вышелъ; но чтобы Маевскій оставался присутствующимъ лицомъ въ той же комнатѣ, когда они говорили о томъ, этого, сто разъ повторяю, быть не могло и вошло въ Записки, такъ себѣ, для прикрасы.

Но какъ бы то ни было, Г. Богдановичъ неумолимъ въ приводимыхъ имъ очеркахъ о Кутузовѣ безъ всякаго разбора, такъ что расточаемая ему мѣстами хвала, часто похожая на фразы, не только помрачается, но и совершенно исчезаетъ при исчисленіи его недостатковъ, какъ Главнокомандующаго, и даже какъ человѣка. Книга эта переведена уже на Нѣмецкій языкъ: жаль и очень жаль, что иноземцы изъ устъ нашего военнаго историографа получаютъ ложное понятіе о лицѣ, которому, по какимъ бы то ни было причинамъ, но, однако же, была ввѣрена борьба съ гигантомъ. Положимъ, что кое-что могло быть отчасти и справедливымъ,⁴ но въ классической книгѣ, описывающей столь важный для

³ Этотъ служебный этикетъ или приличіе соблюдается и нынѣ даже между Директорами Департаментовъ. Если какой либо Директоръ Департамента входитъ къ другому, то, кто бы тутъ ни случился, тотчасъ удаляется. А сдѣсь Аракчеевъ пріѣзжаетъ изъ Петербурга къ Фельдмаршалу, на Березинѣ — и чиновникъ остается третьимъ лицомъ. Не могло и не можетъ быть!

⁴ Можно себѣ вообразить восторгъ Тьера! Онъ провозгласитъ сочиненіе нашего Профессора, если не выше, то, по крайней мѣрѣ, наравнѣ съ Ксенофоновымъ описаніемъ отступленія десяти тысячъ. Самъ Тьеръ въ своей Исторіи сказалъ

Россіи эпизодъ, должно было избѣгать такихъ данныхъ, которыя могли быть писаны подъ вліяніемъ различныхъ страстей и отношеній, и во всякомъ уже случаѣ имѣть мѣсто не въ текстѣ, а въ приложенияхъ, если уже признавалось необходимымъ ввести разсказъ «одного изъ чиновниковъ.»

Наконецъ, вотъ и дошли до XXII главы (стр. 174): «Сраженіе при Бородинѣ.»

Почтенный исторіографъ предпосылаетъ, какъ уже я замѣтилъ,⁵ этой гигантской битвѣ какъ бы предисловіе, наставленіе, необходимое для описанія большихъ сраженій, гдѣ исчисляеть онъ всѣ препятствія, которыя встрѣчаетъ «принимающій на себя священную обязанность жреца истины,» и какъ бываетъ онъ поставленъ въ тягостное положеніе увѣрять въ томъ, въ чемъ не убѣжденъ самъ.» Указавъ на всѣ препятствія и затрудненія эти, Г. Богдановичъ заключаетъ свое вступленіе слѣдующими словами: «Все сказанное нами показываетъ, по чему именно такъ рѣдки отчетливыя описанія большихъ сраженій, и можетъ, хотя отчасти, пояснить, по чему сраженіе при Бородинѣ изложено не совсѣмъ удовлетворительно даже въ лучшихъ военноисторическихъ сочиненіяхъ.»

Послѣ такого объясненія причинъ, до сихъ поръ не замѣченныхъ военными историками при описаніи большихъ сраженій, и въ особенності Бородинскаго, не совсѣмъ удовлетворительно изложеннаго въ лучшихъ военноисторическихъ сочиненіяхъ, мы вправѣ были ожидать, что почтенный исторіографъ нашъ, проникнувъ въ причины такихъ препятствій и, указавъ на нихъ, создастъ что либо образцовое, или, по крайней мѣрѣ, обой-

несравненно менѣе; онъ не столько отнимаетъ у Кутузова достоинствъ, сколько забавляется разсказомъ, что онъ былъ старъ, тяжелъ, кривъ, любилъ хорошо поѣсть, страстенъ къ женскому полу и т. и.

⁵ При замѣчаніяхъ на общее предисловіе (т. I) сочиненія, это предисловіе рассмотрѣно подробно; здѣсь нахожу необходимымъ вкратцѣ еще упомянуть о содержаніи этого предисловія къ Бородинскому сраженію.

детъ, устранить тѣ причины, которыя были неразгаданы его предшественниками, и изобразить эту великую битву достойно ея значенія. Но, къ сожалѣнію, указанія и исчисленія имъ причины, не смотря на всю свою истину, могутъ послужить указаніемъ только для другихъ; самъ же почтенный исторіографъ не руководствовался оными, и сдѣсь невольно приходится на память двустипіе изъ одной сатиры Каптемира:

На столбѣ дорожный нашъ философъ Петръ походить:

Всѣмъ путь указываетъ, а самъ по немъ не ходитъ.

Не сознавая въ себѣ достаточно силъ для достойнаго изложенія этой битвы, ограничиваюсь только замѣчаніями на нѣкоторые эпизоды оной, рассказываемые Г. Богдановичемъ. Я обращаюсь нѣсколько назадъ и начну съ того времени, когда только пошла рѣчь о Бородинѣ.

На стр. 135, между прочимъ, сказано: «Кутузовъ рѣшился принять сраженіе на позиціи у Бородина, избранной Генераломъ Вистицкимъ (а по свѣдѣтельству Беригарди, Генеральнаго Штаба Подполковникомъ Гартингомъ) и одобренной Бенningсеномъ.»¹⁾

За снмъ слѣдуетъ сослаться въ примѣчаніяхъ на XX главу № 45 (стр. 533): «Клаузевиць приписываетъ выборъ позиціи Толю (Denkwurdig. т. II, 18 (§ 137)).»

Не уже ли и въ этомъ случаѣ должно сослаться на Беригарди и Клаузевицевъ? Вѣдь сказано же, что позиція избрана была Генераломъ Вистицкимъ (который былъ, Генераль-Квартирмейстеромъ 2-й арміи) и одобрена Бенningсеномъ. Взято же это изъ какихъ либо данныхъ; и какъ было не знать, имѣвши подъ руками матеріалы всѣхъ Архивовъ, кто избралъ позицію при Бородинѣ? Въ избраніи ея могли участвовать и Вистицкій, и Гартингъ, и Бенningсенъ, и Толь. Да за чѣмъ тутъ Беригарди, Клаузевиць, какъ путеводители въ Исторіи Отечественной войны 1812 года?

Выборъ позиціи, начиная отъ Смоленска до Москвы, происходилъ слѣдующимъ образомъ: Генераль-Квартирмейстеры, а иногда и Полковникъ Габбе, взявъ съ собой изъ находящихся

при Главной Квартирѣ Офицеровъ, сколько почитали нужнымъ, отправлялись на это порученіе. Встрѣтивъ мѣстность, которая казалась благопріятною, оставляли одного или двухъ Офицеровъ, для обозрѣнія ея въ подробностяхъ и легкой на глазомѣрѣ (не сходя съ лошади) съемки, и съ прочими отправлялись иногда далѣе. Найдя еще позицію, ее обозрѣвали, дѣлали также съемку и возвращались въ Главную Квартиру. Тутъ отдавали отчетъ объ одной или двухъ найденныхъ позиціяхъ; тогда отправлялись или Толь, или Вистицкій (если позиція не ими избрана) и наконецъ Беннингсенъ. Съ послѣдняго перехода къ Бородину, ночью, Оберъ-Квартирмейстеры отправились съ дивизионными Квартирмейстерами и Квартиргерами для принятія позиціи, каждый для своего корпуса. Въ этотъ разъ приказано было ожидать въ самомъ Бородинѣ. Съ разсвѣтомъ насъ потребовали къ Горкамъ: сдѣсь находились Вистицкій, Габбе, Гартингъ и другіе Офицеры Главной Квартиры. Вистицкій поручилъ Габбе указать мѣста правому флангу, а самъ, приказавъ примкнуть правый флангъ 6-го корпуса къ Горкамъ, поѣхалъ, въ сопровожденіи всѣхъ, по направленію къ лѣвому флангу. Я отсталъ, провѣряя отиѣриваемое пространство для каждаго полка, и когда догналъ Вистицкаго, тутъ былъ уже Толь, а вскорѣ на курганѣ показался и Беннингсенъ. Онъ и Толь сдѣлали койкакое измѣненіе въ размѣщеніи. Когда я достигъ мѣста, гдѣ оканчивался лѣвый флангъ, Оберъ-Квартирмейстеръ 7-го корпуса началъ принимать мѣсто для 7-го корпуса, а я остался. Артиллерію Толь приказалъ поставить какъ придется, но во всякомъ случаѣ ее не располагать до его приказанія, которое вечеромъ и послѣдовало. Кромѣ размѣщенія конныхъ корпусовъ, въ пѣхотныхъ не было значительныхъ перемѣнъ, и 6-й оставался, какъ его первоначально поставили, по утру, 22-го числа, до ночи на 29-е.

Слѣдовательно, кто избралъ позицію при Бородинѣ? Конечно, Вистицкій, а Беннингсенъ и Толь ее одобрили. Можетъ быть, Гартингъ былъ употребленъ для обозрѣнія ея частностей; но что бы онъ ее избралъ, это неосновательно, хотя онъ и былъ Офицеръ съ большими способностями.

Описывая Бородинскую позицію и разсуждая о возвышеніи или курганѣ, находящемся въ центрѣ оной, предъ интерваломъ

между 1 и 2 арміями, или между 6 корпусомъ Дохтурова и 7 Раевского, сказано (стр. 141): «Бенningсенъ изъяснилъ мнѣніе въ пользу занятія позиціи по прямой линіи, предлагая построить на выдающемся возвышеніи сильное сомкнутое укрѣпленіе съ амбразурами кругомъ, на случай непріятельской атаки, съ какой бы стороны она ни послѣдовала. Такое укрѣпленіе, доказывалъ онъ, слѣдовало вооружить 24-ю, либо 36-ю, батарейными орудіями, безъ лошадей и запять нѣсколькими баталіонами. Напротивъ того, Толъ полагалъ сдѣлать на этомъ пунктѣ люнетъ, вооружить его 18 орудіями и включить его въ будущую черту позиціи; Кутузовъ предпочелъ мнѣніе Толя, и такимъ образомъ расположеніе нашихъ армій было направлено отъ Горокъ къ возвышенію, а оттуда влѣво, подъ тупымъ исходящимъ угломъ, чрезъ Семеновское къ Утицѣ.»

Сдѣсь анахронизмъ: армія 22 числа была поставлена въ прямой линіи, такъ что возвышеніе это находилось впереди, а сообщеніе, о которомъ сдѣсь говорится, происходило на самомъ курганѣ, въ полдень 25 числа, что далѣе будетъ видно; ибо не разъ должно будетъ говорить объ этомъ пунктѣ, слѣдуя за разсказомъ сочинителя, а теперь вотъ въ чемъ дѣло: сочинитель, между словами: «угломъ и чрезъ,» дѣлаетъ ссылку (№ 1, стр. 535). Естественно, что такой важный предметъ завлечетъ каждого узнать, чье это засвѣдѣтельствованіе. Но очень ошибутся въ желаніи удовлетворить свою любознательность. Г. Богдановичъ, вмѣсто того, чтобы назвать источникъ, очень наивно говоритъ, что «по другимъ показаніямъ»,⁶ и присовокупляетъ: «позиція для 2-й арміи была избрана первоначально въ прямой линіи съ позиціею 1-й арміи Генераломъ Вистицкимъ, а Бенningсенъ, 24-го Августа, при осмотрѣ позиціи, найдя за лѣвымъ крыломъ ея оврагъ, осадилъ 2-ю армію назадъ⁷ подъ исходящимъ угломъ, назвавъ тогда же курганъ, гдѣ находилась вершина его, ключомъ позиціи.»

⁶ Да по какимъ же другимъ, когда и первыя не названы?

⁷ Изъ этого видно, какъ почтенный сочинитель искалъ быть яснымъ и предостерегъ читателей отъ мысли, что могли осадить и впередъ.

Вѣдь это приличнѣе было помѣстить въ текстъ, и во всякомъ уже случаѣ сдѣсь ссылка была необходима, тѣмъ болѣе, что объ этомъ ни Бутурлинъ, ни Михайловскій-Данилевскій и никто не говорилъ печатно: обстоятельство важное, ибо могло дать совершенно другой исходъ битвы.

Описывая вооруженныя укрѣпленія на позиціи, говоритъ (стр. 142): «Начиная съ праваго фланга, сооружена на курганѣ у Горокъ, ° по правую сторону дороги, батарея на три орудія (по тому что на этомъ пунктѣ невозможно было помѣстить болѣе артиллеріи), а другая на девять орудій впереди первой, въ разстояніи отъ нея 200 сажень, на скатѣ отлогости, спускающейся отъ Горокъ къ Бородину. Обѣ этѣ батареи были заняты батарейною ротой Маіора Дитерикса.»

Опять иѣтъ ссылки, а она была необходима; ибо не только всѣ иностранныя писатели говорятъ, что у Горокъ была сооружена сильная батарея, но и Михайловскій-Данилевскій (ч. II, стр. 187, изд. 1840) пишетъ: «насыпана была сильная батарея у Горокъ, ° прикрытая другою батареей ниже ея въ 300 саженьяхъ. ¹⁰

Но еще болѣе: самъ же Г. Богдановичъ приводитъ вполнѣ донесеніе Барклая де Толли Князю Кутузову о Бородинской битвѣ, а въ донесеніи этомъ сказано (стр. 557): «Правый флангъ 6-го корпуса примкнулъ вечеромъ къ высотѣ у деревни Горки, на которой устроена была батарея изъ десяти батарейныхъ ору-

° Да вѣдь не сдѣсь былъ правый флангъ: это правый флангъ только 6 корпуса, а правый флангъ арміи простирался далѣе вправо отъ Горокъ, гдѣ было расположено нѣсколько корпусовъ и построены многія укрѣпленія; да и самъ Г. Богдановичъ помѣстилъ на своемъ планѣ нѣсколько такихъ укрѣпленій.

° Конечно, онъ разумѣлъ подъ словомъ сильная, по мѣстности ея, а уже ни какъ не по количеству орудій; онъ видѣлъ эту батарею.

¹⁰ Бутурлинъ не опредѣляетъ силы батареи (т. е., числа орудій), упоминая, что въ 200 саженьяхъ ниже ея была другая.